

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на книгу

УДК 397.4=93+908

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-461-471

EDN: UMIQJX

**СВЯЗЬ РЕГИОНОВ, ЭТНОСОВ И КОНФЕССИЙ:
СЛУЖИЛЫЕ ЧЕЛЯБИНСКИЕ ТЮРКИ-НАГАЙБАКИ
(дискуссии продолжаются).**

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «БЕЛОРУССОВА С.Ю.
НАГАЙБАКИ: ДИНАМИКА ЭТНИЧНОСТИ. – САНКТ-ПЕТЕРБУРГ:
ИЗД-ВО МАЭ РАН, 2019. – 424 С.» И ДРУГИЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА**

Виктор Михайлович Викторин

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева,
Астрахань, Россия, victvic@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7008-8851>

Аннотация: Рецензия на книгу С.Ю. Белоруссовой «Нагайбаки: динамика этничности» (СПб, 2019) и на другие публикации автора и её научного руководителя целесообразна для широких обсуждений далее, т.к. рассматривает добротный и оригинальный труд молодой исследовательницы, лишь с некоторыми (хотя и существенными) замечаниями. Общим нашим объектом стала необычная тюркская, служилая этногруппа, связующая проблематикой эпохи, научные усилия, этносы, религии и ещё (на что редко обращают внимание) регионы РФ и СНГ, Балтии. Автор, по-своему структурировав изложение, сумел дать полный обзор традиционной культуры нагайбаков. Выгодный момент у неё – связь типичного этнического материала с биографическими данными и с новой, компьютерной (вплоть до «виртуальной») информацией. Весьма продуктивной стала и «проектная» методика авторской аналитики.

Недостатками надо посчитать приверженность автора заданной сразу небесспорной схеме, неисчерпаемость прежде представленной литературы, некоторые поспешные суждения. Так, версия рецензента о нагайцах оказалась досадно искажена.

Но ошибочно приписываемый рецензенту тезис об этногенетическом единстве нагайцев и нагайбаков всё же даёт повод подробнее рассмотреть связи регионов Юга России (Северный Кавказ, Нижнее Поволжье и Южный Урал), как и аналогии во внутренней структуре здешних этноконфессиональных групп: нагайбаков и моздокских кабардинцев, осетин и татов разных вероисповеданий, а также калмыков - православных в казачестве и на юге Урала, и ранее на р. Терек близ г. Кизляра.

В итоге у автора осталось невыписанным сочетание религий и верований в нагайбакской среде, процесс адаптации иноэтнических элементов (в т.ч. в связи с основным прежде обрядовым праздником).

Рецензент уверен, впрочем, что увлечённая и подробная работа его младшей коллеги составляет важный вклад в науку и заслуживает, при частных оговорках, весьма высокой оценки, открывая путь интенсивным этнорегиональным и межрегиональным исследованиям в обозримом будущем.

Ключевые слова: нагайбаки, нагайцы, регион, идентичность, этнос и субэтнос, конфессия

Для цитирования: Викторин В.М. Связь регионов, этносов и конфессий: служилые челябинские тюрки-нагайбаки (дискуссии продолжаются). Рецензия на монографию: «Бело-

руссова С.Ю. Нагайбаки: динамика этничности. – Санкт-Петербург: Изд-во МАЭ РАН, 2019. – 424 с.» и другие публикации автора // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 461-471. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-461-471. – EDN: UMIQJX.

© Викторин В.М., 2022

Book Review

ASSOCIATION OF REGIONS, ETHNOS AND FAITHS: SERVICE CHELYABINSK TURKS-NAGAYBAKI (discussions are ongoing).

REVIEW OF THE MONOGRAPH: "BELORUSSOVA S. YU. NAGAYBAKI: DYNAMICS OF ETHNICITY. - ST. PETERSBURG: PUBLISHING HOUSE MAE RAS, 2019. - 424 S. "AND OTHER PUBLICATIONS OF THE AUTHOR

Victor M. Victorin

Astrakhan State University, named of V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia,
victvic@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7008-8851>

Abstract. The review of the book “Nagaybaks: Dynamics of Ethnicity” (SPb, 2019) and other publications of the author and her supervisor is appropriate for broad discussions further, because it considers a good and original work of a young researcher, with only a few (albeit significant) comments. Our common object has become an unusual Turkic, serving ethnic group, connecting the problems of the era, scientific efforts, ethnic groups, religions, and even (which is rarely focused on) the regions of the Russian Federation and the CIS, the Baltics. The author, having structured the presentation in her own way, gave a complete overview of the traditional culture of the Nagaybaks. The helpful moment is the connection of typical ethnic material with biographical data and with new computer (up to “virtual”) information. The “project” method of the author’s analytics has also become very productive.

The shortcomings should be considered the author’s adherence to the immediately given non-controversial scheme, the inexhaustibility of the previously presented literature, some hasty judgments. So, the reviewer’s version about the Nogais turned out to be annoyingly distorted. But the idea of the ethnogenetic unity of the Nogais and Nagaibaks, mistakenly attributed to the reviewer, still gives reason to consider in more detail the ties between the regions of the South of Russia (the North Caucasus, the Lower Volga region and the Southern Urals), as well as analogies in the internal structure of the local ethno-confessional groups: the Nagaibaks and Mozdok Kabardins, the Ossetians and Tats of different religions, as well as the Orthodox - Kalmyks serving as Cossacks both in the south of the Urals, and earlier on the Terek river near the city of Kizlyar.

As a result, the author remained underwritten by the combination of religions and beliefs in the Nagaybak environment, the adaptation process of other ethnic elements (including in connection with the main formerly ritual holiday).

The reviewer is sure, however, that the enthusiastic and detailed work of his younger colleague is an important contribution to science and deserves, with particular reservations, a very high appreciation, paving the way for intensive ethno-regional and inter-regional research in the foreseeable future.

Keywords: nagaybaks, nogays, region, identity, ethnos and subethnos, confessions

For citation: Victorin V.M. Association of regions, ethnos and faiths: service chelyabinsk turks-nagaybaki (discussions are ongoing). Review of the monograph: "Belorussova S.Yu.

Nagaybaki: dynamics of ethnicity. - St. Petersburg: publishing house MAE RAS, 2019. - 424 S." and other publications of the author. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 461-471. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-461-471. – EDN: UMIQJX.

© Victorin V.M., 2022

Выход в свет книги «Нагайбаки: динамика этничности» [Белоруссова 2019] и сопутствующих публикаций знаменует собою очень важное и знаменательное явление и тенденцию в нашей тюркологической и этнологической науке, соединяя типичные источники со строгими биографическими, а ещё и «виртуальными» – на новых этносайтах глобальной Сети «Интернет» (вплоть до неожиданных, созданных нагайбаками или в связи с ними) [Головнёв, Белоруссова 2018: 101-107; Белоруссова 2019: 345 и др.], с завидно богатым фото, видео и другим иллюстративным рядом, при применении актуальной ныне «проектной» аналитики. Всё это очень важно для всестороннего постижения столь полиэтнично многообразного, степного Юга России (Предкавказья, Нижневолжья и Южноуралья).

Автор, Светлана Юрьевна Белоруссова, – уроженка Свердловской области, окончившая университет в г. Екатеринбурге («социальная антропология»). Её интерес к этнической картине Южного Урала вполне оправдан и понятен. Защитила кандидатскую диссертацию в г. Санкт-Петербурге в октябре 2017 г. [Белоруссова 2017]. В настоящее время – научный сотрудник и заведующая лабораторией МАЭ (Кунсткамеры) РАН.

И монография, и диссертация состоят из пяти глав и до сорока мелких разделов, параграфов. Подойдя нестандартно к порядку следования и заголовкам изложения, автор сумела полно осветить все основные аспекты традиционной культуры этнической группы. Предпринят компетентный, притом качественный обзор сложения и бытия данного «южноуральского народа» (вполне удачная формулировка автора книги). Добавим, что его миграция сюда состоялась ровно 180 лет тому назад.

Нагайбаки, проживающие южнее и западнее г. Челябинска (всего до 10-и тыс. чел.), были переселены сюда из двух крепостей (станций) Белебеевского уезда на пограничную со степями казачью службу в 1842 г., в своём большинстве – православные с родным татарским диалектом. Другой важный фактор в том, что они снискали себе статус «коренной малочисленный народ России» решениями высших органов власти РФ в 1993 и в 2000 гг.

Можно поэтому утверждать, что нагайбаки представляют собой необычный пример связи различных регионов России и соседних стран с такой же проблематикой. Так, аналогичны им в «Перечне коренных малочисленных народов» бесермяне Западного Предуралья (Удмуртия и Кировская обл.) – 2 тыс. чел., связанных этногенезом и с удмуртами, и с соседними татарами. А позже, с июня 2010 г., – и сету (сето) Псковской обл. (иногда именуемые «двоеверцы», «псковская чудь», или «православные эстонцы»: тоже 2 тыс. чел. в России). Все они выделены как этногруппы по конфессиональному признаку.

Сейчас данный статус имеют 47 этнических общностей. Споры продолжаются, насколько обоснованно был пополнен, начиная с нагайбаков, известный ранее набор этносов Крайнего Севера и Восточной Сибири, соотносимых с прежним «племенным» характером жизни и труда. Автор не обозначает своей позиции по данному поводу, имеются ли в виду народы «коренные, оттого малочисленные», либо «малочисленные – и потому равные коренным».

Интересен для этого и соответствует наработкам рецензента «принцип четырёх поколений» (те же 180 лет нагайбаков под Челябинском) [Белоруссова 2019: 172]. И если не о «коренном происхождении на Урале», то об «укоренённости» в данной местности этой группы, пожалуй, можно вести речь.

С учётом неоднозначности темы, невозможно в полной мере согласиться с подходами и изложением С.Ю. Белоруссовой. Так уж сложилось, что рецензент собирал материалы по кряшенам и нагайбакам, вёл опросы и общался с лидерами движений (см. далее) минимум за 7-8 лет до автора. Однако, это было учтено коллегой в очень малой степени, притом с досадными неточностями.

В частности, для изучения Юга России немаловажен вопрос о связях «нагайбаков» с «ногайцами», проживающими ныне на Северном Кавказе и в Астраханской области, либо же отсутствия связей таковых. Коснулась его, разумеется, и автор монографии. Только вот рецензент, на которого она ссылается, и не намеревался вообще когда-либо так простодушно и прямолинейно, «по созвучию», связывать «происхождение нагайбаков с ногайцами» [Белоруссова 2019: 25, 397].

Это, скорее, версия известного этнографа П.И. Небольсина (в его докладе на заседании РГО от 29-го ноября 1851 г.). Немало шансов, что «Нагайбак» – это личное имя тюркского мужчины (так и у П.И. Рычкова), перешедшее в топоним станицы и крепости на старом месте жительства, а затем и в субэтноним на местах новых. Искажать данные и приписывать лишнее в солидной науке едва ли допустимо. Тем более, что легко доступны публикации рецензента, оставшиеся вне внимания автора монографии [Викторин 1995: 3; Викторин 2005: 9-27 и др.].

Но эта тема оказалась весьма перспективной и получала развитие буквально «на глазах». Потому специально для рецензии рассмотрим известные рецензенту новые «ногайско-нагайбакские» взаимопереплетения, условно обозначив их как «тёзко-имённые».

Прежде всего, на рубеже 80-90-х гг. XX в. возникли самые прямые аналогии в процессе этновозрождения нагайбаков и ногайцев Нижнего Поволжья (и те, и другие «были записаны татарами») [Викторин 1995: 3]. И потому никак не случайной стала оговорка тогдашнего Президента РТ М.Ш. Шаймиева, просто перепутавшего два созвучных этнонима в выступлении на встрече с В.В. Путиным и делегатами Съезда татар от 30-го августа 2002 г. [Викторин 2005: 26-27].

Получат когда-нибудь признание тогдашние попытки учёных, на гребне «этновозрождения и культурного самоопределения», познакомить заочно и

лично кряшен и нагайбаков с нагайцами разных местностей (М.С. Глухов – «Ногайбек». Р.Х. Керейтов, Л.Ш. Арсланов, А.М. Маметьев, В.М. Викторин).

Так или иначе, замечательный ансамбль бабушек «Чишмелек» («Роднички») из известного сейчас нагайбакского с. Париж блеснул выступлением на первом Международном фестивале нагайской национальной культуры «Ногай Эль» («Народ нагайцев») в г. Махачкале 25-27-го ноября 2004 г.

И права С.Ю. Белоруссова, раскрывая затем более глубокий, семейный уровень таких связей. Летом 2015 г. в гостях у семьи Фёдоровых из пос. Остроленка побывали нагайцы Дагестана. Нагайбаки радостно отмечали: «Мы понимали их песни, слова, у нас схожие блюда... Различия..., когда доходило до веры» [Белоруссова 2019: 186]. «Этногенетические» же связи если и допустимы, то (см. выше) сугубо косвенные.

И, наконец, новейшая информация. Официальная делегация Ногайского р-на Дагестана посетила райцентр, пос. Фершампенуаз Челябинской обл. 27-го ноября 2021 г. Планируется, насколько ясно, и ответный визит. С нагайбаками было подписано «Соглашение о межмуниципальном сотрудничестве районов и "родственных народов"» (главы р-нов М.К. Аджиков и И.В. Сурменов, председатели собраний депутатов Д.А. Эсиргепов и В.Н. Бурмистров)¹. Жители территорий разберутся в своём общении сами. Пути и возможности всё это открывает в XXI в. новые и обширные.

Рассматривая далее рецензируемые исследования, особо выделяем очерки о необычном и ярком лидере этновозрождения «низовой» части нагайбаков, потомке выходца с Ближнего Востока в белебеевское казачество, ветеране войны, вооружённых сил и партийной работы Алексея Михайловича Маметьева (1923-2005) [Белоруссова 2017: 19-21; Головнёв, Белоруссова 2018: 78-79, 95; Белоруссова 2019: 231-290 и др.].

Рецензент опирается, прежде всего, на материалы своей полевой поездки в с. Фершампенуаз – райцентр Нагайбакского р-на Челябинской обл. 16-17-го декабря 1994 г. (с посещением музея, созданного и в тот момент возглавляемого А.М. Маметьевым), а также пребывания весной–летом через год у «верховых» (чебаркульских) нагайбаков.

Знакомство и переписка рецензента с незабвенным Алексеем Михайловичем подтверждают изложенное автором диссертации и монографии практически безоговорочно. Удачно освещены коллегой и её соавтором редкостное стечение обстоятельств и личная харизма деятеля, его непревзойдённое искусство пробудить активный «интерес народа к самому себе».

Важнейшая тема о «роли личности в этноистории» («почти» по Г.В. Плеханову) пока практически не разработана почти совершенно. Поскольку она сложна и, как правило, неочевидна. И автор, Светлана Юрьевна Белоруссова, с

1 Подписано соглашение двух районов («Новости») // Выходы. Общественно - политич. газета Нагайбакского р-на Челябинской обл. – Фершампенуаз, 2021, 27 ноября / URL:<http://www.vshodipagaibak.ru/news/0000014496/> (дата обращения: 22.11.2021); Делегация Ногайского района РД находится с дружественным визитом в Нагайбакском р-не Челябинской обл. («Общество») // Шоьл тавысы [Голос степи]. Республиканская нагайская общественно - политич. газета Дагестана. – Махачкала - Терекли-Мектеб, 2021, 27 ноября / URL:<http://www.golosstepi.ru/news/obshestvo/48651/> (дата обращения: 22.11.2022)

её научным руководителем А.В. Головнёвым проделали поистине филигранную работу, предоставив завидный пример для других.

Но нет предела совершенствованию. Потому добавим замечание, что следовало бы процитировать собственные публикации А.М. Маметьева в научной и популярной сфере. Это – тезисы его доклада на III-ей Междунар. научной конференции «Россия и Восток» в г. Челябинске 29 мая – 4-го июня 1995 г. А также пять очерков в вообще замечательном сб. «Край Нагайбакский. Району – 70 лет, вышедшем в 1997 г. в серии «Заповед. уголки Южноуралья» [Маметьев 1995: 31-33; Маметьев, Моисеев 1997: 255 с.].

Согласимся и с тем, что после 2005 г. активных деятелей среди нагайбаков (опять больше среди «низовых») была целая группа, но общепризнанного лидера, равного А.М. Маметьеву, – нет. Хотя почва для такого рода лидирующей деятельности всё ещё ощущается как весьма прочная.

Далее, автору надо было бы держаться строже в отношении терминологии. Учесть оттенки самоидентификации и обеспечить чёткость изложения в этой связи. Так, по-аспирантски – азартно звучит заявление «впервые в научном исследовании было предложено разделение нагайбаков на три группы...» [Белоруссова 2017: 13].

Подобное и намного ранее отмечалось учёными из г. Казани, да и рецензентом тоже, поскольку одна его статья, по «двум» группам всё же есть в Перечне литературы у автора. Ибо спорна «третья», орско-беляевская подгруппа [Белоруссова 2017: 13; Белоруссова 2019: 8, 51, 91-107, 118 и далее]. Именуя себя не «нагайбаками», а «казаками-татарами», они могут составить лишь «часть потомков нагайбакской миграции».

Требовался баланс между цитатами из заявлений нагайбаков и собственными наработками автора по их поводу. И здесь, и далее отметим, что «эмость» и «этость» (Кен. Ли Пайк) существуют для этнокультур отдельно. Первая представлена в ткани традиции, вторая открывается и градируется учёными. Но у них – лишь ограниченное право трактовать явления «от имени» изучаемого этноса.

Так, нет уверенности, что особые «клановые, семейные и родственные, соседские и побратимные связи» нагайбаков [Белоруссова 2019: 169-230] составляют корень их мировосприятия и собственную специфику, а не выделены, по каждому разряду, автором. Отражает это всё просто, думается, культурные универсалии людских сообществ.

Выделяемая автором «триада нагайбакской самобытности» (православие, язык, казачество) [Белоруссова 2017: 18; Белоруссова 2019: 106-168] составляет лишь удобную схему для предъявления. И, как зачастую бывает, условную при анализе фактического положения дел.

Вместо тезиса о «конкуренции миссионерства (православного и исламского)» [Белоруссова 2019: 106-121] рецензент выделил бы положение о религиозном полисинкретизме, по-разному влиявшем на выбор и манифестацию веры. Прошло мимо внимания автора, что глава Оренбургской губернской канцелярии, видный учёный-краевед П.И. Рычков отмечал в 1762 г. о жителях креп. Нагайбакской, что они «ещё во времена царя Иоанна

Васильевича из магометан, а паче из идолопоклонников, восприняли святое крещение...» [Рычков 1762: 206]. Такое исходное многообразие могло отражаться лично и семейно даже много позже.

Не менее эффективной моделью может оказаться предложенная ранее рецензентом «этноконфессиональная матрёшка». Это ситуация, когда при преобладающем для этноса общем мусульманском окружении существует, сплочённой группой в нём, служилое православие, а внутри служилой группы – меньшая мусульманская же, в службе, подгруппа внутри. Такое наблюдается в кабардинском этносе и его «моздокской» части (в г. Моздок и в с. Серноводское, на бывш. хуторах Азаниев и Авалов Курского р-на Ставропольского края), где у «казахьей братии» в прежней «приписной» службе наглядно православное преобладание со «вторичным» исламским меньшинством. Несколько сходная картина у татов «трёх конфессий», а также у осетин - иронцев и дигорцев, где представлены и христиане, и мусульмане [Викторин 2005: 16-17].

Не очень вписывается в «триаду» и сходное положение внутри нагайбаков. Существенно в этом плане наличие в пос. Требиатском и соседних не менее 200 традиционных мусульман, прежде тоже служилых в казачестве, соотносимых и соотносящих себя с православными соседями (фамилии единые, имена – разного звучания и написания), но фиксирующихся в переписях обычно «татарами» с языком «татарским». Конечно, упомянуты они в монографии [Белоруссова 2019: 63, 65-66, 113-115, 123-124]. Но рассмотреть их, ради полноты картины, следовало бы специально и подробно, с полевыми данными и по ним.

Не соглашается рецензент и с умалением (видимо, невольным) прежней и современной роли казаков-калмыков («волжско-ставропольских», иначе самарских) и их потомков в нынешних Нагайбаском и соседних р-нах. На момент миграции в 1842 г. они составляли не менее 10 % здешнего казачества, переведённого на Новую степную, защитную линию.

По утверждению С.Ю. Белоруссовой, сейчас их потомки здесь не прослеживаются. Это не так или не совсем так. О переезде калмыков на ранних советских этапах «с Урала под Астрахань» и затем о сталинской депортации отсюда же [Белоруссова 2019: 59] речь едва ли серьёзно заходит. Калмыки оставались здесь, растворялись в местном населении, хотя и долго сохраняли частичную идентичность. Поэтому фразу «соседний тюркский (!) народ – калмыки» [Белоруссова 2019: 171] мы не считаем уж чересчур грубой ошибкой.

Первый общекалмыцкий Съезд советов в нач. июля 1920 г. пригласил в новую автономию «в порядке добровольного переселения» калмыков, бывших в казачестве (православных. – В.В.), «из Оренбуржья, ... с Урала и Терека». Откликнулись несколько тыс. чел. калмыков уральских и оренбургских, а также терских из-под г. Кизляра. Но известны в их числе только остаточные калмыкоязычные и многие русскоязычные переехавшие. О татароязычных же нет никаких данных, и навряд ли таковые вероятны.

Хотя представители калмыцких семей (Ренсановы, Нусхаевы) на деле становились атаманами нагайбакских станиц. И известны минимум 5 фамилий

(в сел. Кассель, Балканы, Картала и др.) с ощутимыми калмыцкими корнями. Для общей картины жизни нагайбаков (см. далее) это, право же, немаловажно. О своём происхождении рассказал казак, здешний писатель М.Ф. Шанбатуев в очерке «Калмыцкие казаки: “есть Калм. республика, но есть и уральские калмыки”» [См.: Маметьев, Моисеев 1997: 118-122].

Важный фактор – остававшийся синкретизм православия и ислама с тюрко-монгольским тенгрианством (по-старому, «язычеством»). Роль нагайбаков-мусульман и калмыков отражалась в общенагайбакском празднике «Курбан (курман) – байрам», вкратце и в разном контексте, упоминавшемся и у автора [Белоруссова 2019: 61, 97, 206-207].

Но ведь роль этого торжества в организованной этничности нагайбаков была намного выше указанной. Ежегодно оно с воинским построением и угощением семей отмечалось в июне, на холме «Уба-тау» близ пос. Балканского, Требиятского и Курганного. В последнем послереволюционном крупном празднике участвовал юношей отец А.М. Маметьева. Имелась попытка восстановить его в нач. 90-х гг. Как отмечал в прежних публикациях рецензент, в обрядности и терминологии праздника объединялись православные, исламские и калмыцкие (исходно «тенгрианские») особенности. Эти ключевые аспекты, как мы уверенно считаем, были бы по смыслу необходимы и для диссертации, и для монографии.

Объективная классификация языков тюрков зачастую расходится с бытовыми их названиями. Нужно новое изучение профессионалами, но сомнительна формулировка «нагайбакский язык» [Белоруссова 2019: 141- 146], хотя многие нагайбаки приводят именно её. Особенно, если брать кряшенско-нагайбакский «язык» как разговорный, а не литургический в совсем особой, миссионерской графике – кириллице.

Заметим для связи всех этих аспектов и сугубо предварительно, что речь нагайбаков почти наверняка связана как с кряшенским «конфессиолектом» (В.М. Викторин), так и с уральскими диалектами (проф. Ф.Ю. Юсупов. ст. н.с. З.Р. Садыкова и др.), но в обоих случаях именно в составе татарского языка.

При всём изложенном, выводы автора в «Заключение» рецензент склонен поддержать [См.: Белоруссова 2019: 355-362]. Нужно воздать должное и работоспособности, тщательности и увлечённости выпускницы аспирантуры, признав, что налицо полезные и похвальные авторские находки.

Поскольку ясно, что всестороннее изучение нагайбаков следует продолжать. Это принесёт немалую пользу в теории и на практике изучения сходных, «этноконфессиональных» общностей и групп России и зарубежья. Причём сразу и для специалистов, и для носителей собственно нагайбакской и этнически близких ей традиций, и для широкого читателя.

А то, что неодобряемо и несоразмерно в процессе и обеспечении исследования, содержании публикаций, рецензент постарался обосновать: с его уважением и пожеланиями на будущее автору. Подчеркнув, что «имя в науке» достигается ещё большей доскональностью. Некоторые моменты можно бы выправить в последующих работах автора по данной теме. Но всё это, конечно, на её свободное усмотрение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Белоруссова 2019 – *Белоруссова С.Ю.* Нагайбаки: динамика этничности. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2019. – 424 с.

Белоруссова 2017 – *Белоруссова С.Ю.* Динамика этничности нагайбаков в XVIII-XXI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб-Екатеринбург, 2017. – 26 с.

Викторин 2005 – *Викторин В.М.* Проблемы этнокультурной специфики кряшен и нагайбаков в общественно-политических дискуссиях рубежа XX-XXI веков (парадоксы субконфессионального «самоопределения» в одноязычных общностях регионов России) // Современное кряшеноведение. Состояние, перспективы. Материалы научной конференции (г. Казань, 23 апреля 2005 г.). – Казань: Организация кряшен и Кряш. приход РПЦ. 2005. – С. 13-27.

Викторин 1995 – *Викторин В.М.* Нагайбакларда (Альимминъ тептериннен) [У нагайбаков (Из тетрадей учёного)] // Ногай давысы [Голос ногайцев]. Карашай-Шеркеш Республик. ямагатшылык-политикалык газетасы. – Черкесск к., 1995, 17 октября. – Б. 3 (на ногайск. яз.).

Головнёв, Белоруссова 2018 – *Головнёв А.В., Белоруссова С.Ю.* О роли личности в этноистории: Алексей Маметьев и народостроительство нагайбаков (Дискуссия) // Этнографическое обозрение. – 2018. – № 5, сентябрь-октябрь. – С. 78-107.

Маметьев 1995 – *Маметьев А.М.* История малочисленного коренного народа - нагайбаков // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Тез. докл. III- ей Междунар. научн. конф. (г. Челябинск, 29 мая – 3 июня 1995 г.). – Т. II. – Челябинск: Гос. университет и УНЦ РАН, 1995. – С. 31-33.

Маметьев, Моисеев 1997 – *Край нагайбакский (сер. «Заповед. уголки Южноуралья»).* Району – 70 лет. Сост-ли А.М. Маметьев, А.П. Моисеев. – Челябинск: Изд-во "Рифей", 1997. – 255 с.

Рычков 1762 – *Рычков П.И.* Топография Оренбургская, т. е. обстоятельное описание Оренбургской губернии. – Ч. II. – СПб.: Имп. Акад. Наук, 1762. – 262 с.

REFERENCES

BELORUSSOVA S.Yu. *Nagaybaks: dynamics of ethnicity.* – St. Petersburg: MAE - Kunstkamera RAN, 2019. – 424 p. (In Russ.).

BELORUSSOVA S.Yu. *Dynamics of ethnicity of the Nagaiaks in the XVIII-XXI centuries.* Autoref. dis... cand. of sciences (Ethnology). – St. Petersburg-Yekaterinburg, 2017. – 26 pp. (In Russ.).

VICTORIN V.M. *Problems of ethno-cultural specifics of the Kryashens and Nagaybaks in socio-political discussions at the turn of the 20th-21st centuries (paradoxes of sub-confessional "self-determination" in monolingual communities of Russian regions) // Modern Kryashenology: status, prospects. Materials of the scientific conference (Kazan, April 23, 2005).* – Kazan: Kryash. Org. and Kryash. Arrival of the ROC. 2005. – P. 13-27. (In Russ.).

VICTORIN V.M. *Nagaybaklarda (Allimmin teptinnen)* [At the Nagaybaks (From the Notebooks of a Scientist)] // Nogai Davysy [Voices of the Nogais]. Karachay-Sherkesh Republic socio-political newspaper. – Cherkessk k., 1995, October 17. – B. 3 (in Nogai).

GOLOVN'EV A.V., BELORUSSOVA S.Yu. *On the Role of Personality in Ethnohistory: Aleksey Mametyev and Nagaybak Nation Building (Discussion) // Ethnographic review.* 2018. No. 5. – P. 78-79, 95. (In Russ.).

MAMET'IEV A.M. *The history of a small indigenous people - nagaibaks // Russia and the East: problems of interaction. Tez. report III- her Intern. scientific conf. (Chelyabinsk, May 29 – June 3, 1995).* T. II. – Chelyabinsk: State university and USC RAS. 1995. – P. 31-33. (In Russ.).

MAMET'IEV A.M., MOISEEV A.P. *The Nagaybak Territory (ser. "Reserve. Corners of the South Urals"). The district is 70 years old.* – Chelyabinsk: "Rifey" Publi. 1997. – 255 pp. (In Russ.).

RYCHKOV P.I. *The Orenburg Topography, i.e. a detailed description of the Orenburg province.* Ch. II. – St. Petersburg: Imp. Acad. Sciences, 1762. – 262 pp. (In Russ.).

Информация о рецензенте

В.М. Викторин – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the reviewer

V.M. Viktorin – Candidate of Science (History), associate professor.

Рецензия поступила в редакцию 15.11.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The review was submitted 15.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.